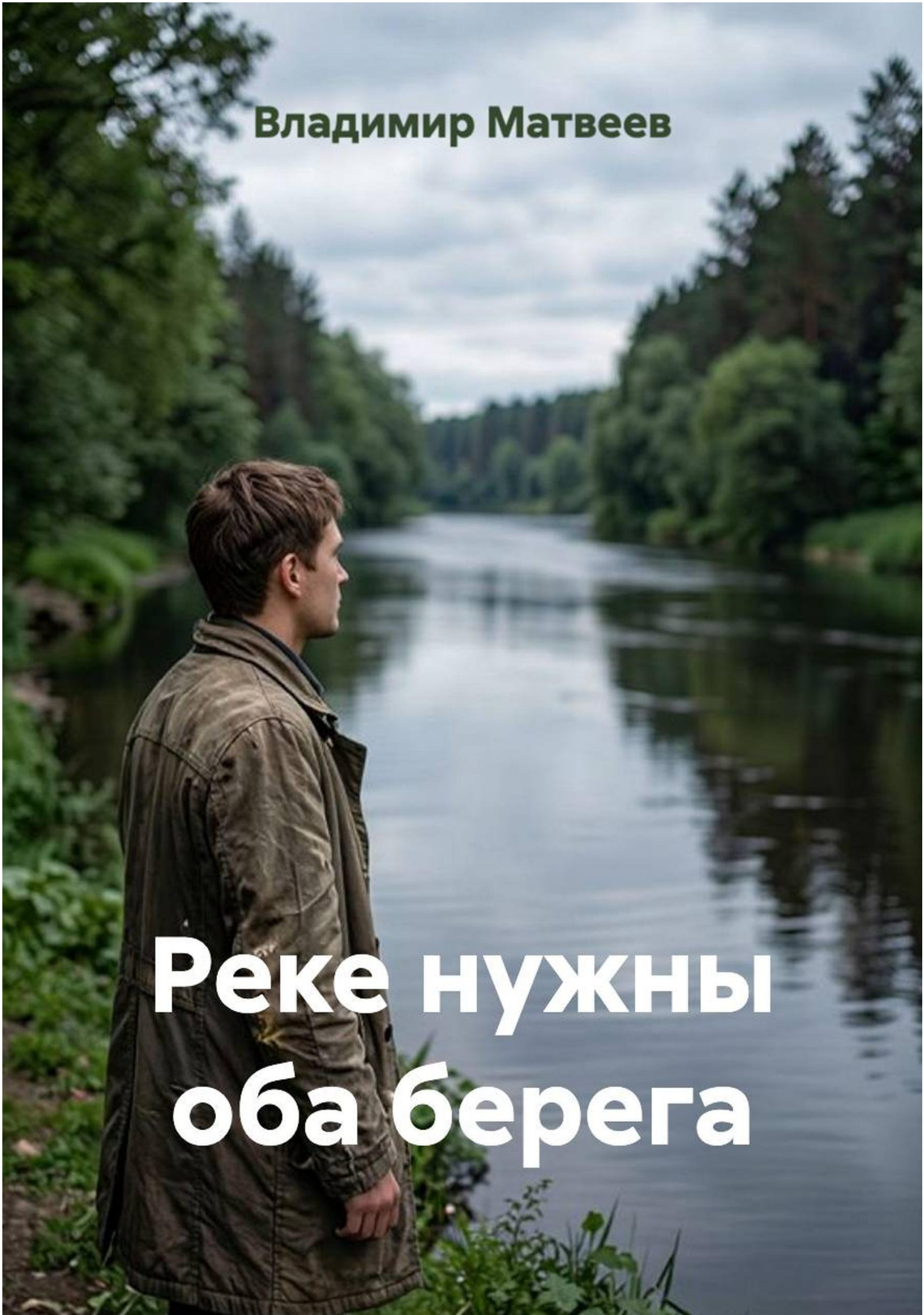

Владимир Матвеев
Реке нужны оба берега

Владимир Матвеев

Реке нужны оба берега

«Автор»
2026

Матвеев В.

Реке нужны оба берега / В. Матвеев — «Автор», 2026

Он искал покой в лесах, в деньгах и в любви — и каждый раз оказывался на новом берегу. Пока однажды у реки не услышал то, что не смогли объяснить ни учителя, ни книги.«Реке нужны оба берега» — тихая притча о поиске себя, отпускании и умении жить на разных берегах.

© Матвеев В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Дом у воды 6
Глава II. Леса 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Владимир Матвеев
Реке нужны оба берега

Повесть- притча

«Ты не река, которая течёт. Ты — берег для течения реки.
Но без второго берега ты — просто полоска земли».
— из старых записей лодочника Василия

Глава I. Дом у воды

В Петербурге, в доме на набережной Фонтанки, жил профессор математики Николай Аркадьевич Синицын. Окна его выходили на воду, и по утрам зимой слышно было, как дворник скребёт тротуар на набережной. Человек он был почтенный, с бакенбардами и привычкой к порядку, которую почитал не просто удобством, но и нравственным долгом. В кабинете его всё было расставлено раз и навсегда: книги по ранжиру, бумаги по срокам, настольные часы сверены с настенными.

Были у него и карманные часы, доставшиеся от отца, — тяжёлые, с гравировкой на крышке, — и он заводил их каждое утро, как совершал обряд. Он любил говорить, что мир держится на числе, и в доказательство приводил примеры из астрономии, из механики и даже из музыки, где, по его мнению, всякая гармония сводилась к простой дроби.

Сын его, Илья, рос в этом доме, как растёт дерево в оранжерее: всего вдоволь, всё размерено, ни ветра, ни мороза. Ему было тогда девятнадцать лет, и он был юноша стройный, с аккуратной прической гимназиста, как и подобает сыну профессора, с лицом бледным и задумчивым, какое бывает у людей, которые много думают, но ещё не знают, о чём именно.

Отец учил его числам, и Илья учился прилежно, но чем яснее становились для него формулы, тем чаще он подходил к окну и смотрел на реку, которая свободно текла под окнами его дома, не подчиняясь никаким правилам, и в этой воде было что-то такое, чего он не мог ни вычислить, ни назвать.

— Ты опять задумался, — говорил отец, входя в комнату и заставая сына у окна. — Мечтательность — не порок, но и не добродетель. Всякая мысль должна иметь основание, как дом — фундамент.

— Я думаю, папенька, — отвечал Илья, — что у всякой формулы есть свои правила, как вот, например, берега у реки, а вот сама река течет без всяких правил.

Отец хмурился, потому что не любил таких выражений: в них ему слышалось нечто неопределённое, а неопределённость он почитал врагом порядка. Но он любил сына и потому только вздыхал и уходил к своим бумагам.

Был у Ильи друг, Андрей, сын соседского чиновника, юноша простодушный и верный, как дворовая собака. Андрей не любил рассуждать о глубинах; он просто ходил за Ильей, как тень, и в этом следовании было что-то от тихой воды: не спорит, не шумит, хотя имеет своё течение. Когда Илья выходил из дому гулять, Андрей шёл за ним; когда Илья молчал, Андрей молчал тоже; когда Илья говорил о том, что жизнь его точно вычислена кем-то другим, Андрей слушал и поддакивал, потому что умел сочувствовать, а не возражать.

В ту зиму, о которой идёт речь, Илья случайно познакомился с людьми, называющих себя «толстовцами», которые исповедовали непротивление злу насилием, отказ от государственной службы, церкви и материальных излишков. На их лицах было написано не то, чтобы страдание, а какое-то упорное спокойствие.

Они называли себя приверженцами «добровольной простоты», что означало, как объяснили они Илье, что человек бросает карьеру, уходит из города и живёт просто, без лишнего, и в этой простоте находит то, чего не нашёл в довольстве.

Они говорили о первозданных лесах Карелии, о кристально-чистых озёрах, о кострах на берегу, о тишине, которая лечит. И Илья, слушая их, почувствовал вдруг, что вот оно — то самое, чего он искал у окна, глядя на воды протекающей реки.

— Я уйду с ними, — сказал он отцу за ужином.

Николай Аркадьевич положил ложку и посмотрел на сына так, как смотрел на неверное решение в задаче.

— Ты говоришь глупости, — сказал он. — Человек должен делать своё дело. Ты учишься, у тебя есть способности, перед тобой светлая дорога, а ты хочешь уйти в лес, как разбойник.

— Я хочу найти истину, — отвечал Илья.

— Истину, — повторил отец и усмехнулся. — Истину, друг мой, не ищут в лесу. Истина есть следствие порядка. Приведи в порядок свои мысли, и истина найдёт тебя сама.

Но Илья стоял на своём, и отец, видя, что сын не шутит, долго ещё говорил, доказывал, приводил примеры из истории и из жизни, и даже рассердился, чего с ним давно не бывало. А когда понял, что слова его не дают должного результата, замолчал, посидел немного, опустив голову, и сказал тихо:

— Что ж. Иди, коли так. Только помни: дверь моя для тебя всегда открыта.

И перекрестил его, как крестил в детстве, и ушёл к себе, и всю ночь у него горел свет в кабинете, и слышно было, как он ходит из угла в угол.

А утром, когда Илья уже стоял на пороге с ранцем, отец вышел к нему и молча протянул те самые карманные часы — тяжёлые, с гравировкой. Илья хотел было сказать, что часы ему ни к чему, но взглянул на отца и взял.

Андрей, узнав, что Илья уходит, не сказал ни слова, только собрал свои вещи и наутро стоял у крыльца.

Так начался путь Ильи — с отцовского благословения, с молчаливой верности друга и с той смутной надеждой, которая живёт в юности и которая, как оказалось впоследствии, вела его не туда, куда он думал.

Глава II. Леса

Дорога до Карелии была долгая, и Илья, сидя в поезде у окна, смотрел, как за стеклом меняется земля: сначала пригороды с дачами и заборами, потом поля, потом леса, всё гуще и темнее, и наконец пошли сосны, такие высокие и прямые, что казались они не деревьями, а колоннами какого-то огромного, ещё не достроенного храма. Андрей спал напротив, положив голову на свёрнутое пальто, и лицо у него было спокойное, как у человека, который не задаёт вопросов и потому не мучается.

Поселение, куда они приехали, стояло на берегу озера, в лесу, и состояло из нескольких изб, бани, сарая да колодца. Жили в нём человек двадцать — кто помоложе, кто постарше, — и все они, как объяснили Илье, искали простоты.

Старшим среди них был старик по имени Матвей, высокий, сухой, с длинной бородой и глазами, которые смотрели не на собеседника, а куда-то мимо, будто видели за человеком что-то ещё. Он говорил мало и больше молчал, и в этом молчании была такая уверенность, что Илья первое время робел перед ним, как робел в детстве перед отцовскими книгами.

Жизнь в поселении была простая и тяжёлая. Вставали до солнца, кололи дрова, носили воду, доили скотину, чинили сети, а вечерами сидели у костра и молчали. Илья в первые недели думал, что вот оно, счастье: никаких формул, никакого расписания, только лес, вода и тишина. Он научился колоть дрова так, чтобы полено раскалывалось с одного удара, и гордился этим больше, чем когда-то пятёрками в университете.

Но прошло два года, и он стал замечать то, чего не замечал сначала. Соседский молчаливый мужик, по имени Егор, редко выходил за ограду и говорил, что мир вокруг — это чья-то неудачная выдумка, и в словах его была не мудрость, а усталость. Был там ещё один человек, по имени Степан, который каждый день рубил дрова с такой яростью, будто мстил дереву за какую-то давнюю обиду, и Илья видел, что этим он не освобождается, а прячется. И была женщина Дарья, которая всем улыбалась и никого не любила, и улыбка её была как занавеска, за которой пусто.

Андрей к тому времени прижился в поселении лучше, чем Илья. Он колол дрова, носил воду, молчал вместе со всеми и, казалось, был доволен. Но Илья видел: Андрей не ищет, он просто идёт следом, и потому ему легче.

— Что ты думаешь о нашей жизни? — спросил однажды Илья Матвея.

— Я не думаю, — отвечал старик. — Думать — это от гордости. Надо просто жить.

— А если человек не может просто жить?

Матвей посмотрел на него своими глазами, которые смотрели мимо, и сказал:

— Тогда он будет искать. Хотя, искать — это тоже от гордости.

Илья не стал спорить, но в ту ночь долго не мог уснуть. Он лежал на полатях и слушал, как трещит смола в печи, и думал: я ушёл от отца, от правил, от чисел, чтобы найти истину и покой, а нашёл только тишину, но тишина эта не даёт мне покоя. Значит, надо продолжать искать истину дальше, в другом, еще не изведанном месте.

Весной в поселение пришло известие, что в Москве будет выступать человек, некий наставник, который учит, как жить в гармонии и успехе, и что человек этот собирает большие толпы слушателей и что после его выступлений люди выходят просветлёнными. Степан собрался ехать, и ещё двое с ним, и Андрей посмотрел на Илью так, как смотрел всегда, — молча и верно. И Илья решил ехать.

— Ты уходишь? — спросил Матвей.

— Ухожу, — отвечал Илья.

— Всё ищешь?

— Ищу, — отвечал Илья. — Всё ищу.

Старик покачал головой и ничего не сказал, только перекрестил его на дорогу, как когда-то отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.